

в частности споры западников и славянофилов, которые писатель в конечном итоге считал не столь существенными, противопоставляя им идею «общей работы» единой России. В статье «Лучше поздно, чем никогда» он писал: «Все это, конечно, минует в будущем, хотя, может быть, и не очень близком» (VII, 116).

Либералу Гончарову, для которого требование единства нации ради «общего дела» отнюдь не означало подавление личного начала, весьма импонировала позиция Карамзина, увидевшего, например, в деятельности Петра I существенные противоречия: «Петр осуществил необходимую государственную реформу, но превысил полномочия государственной власти, вторгшись в сферу частной жизни, в область личного достоинства отдельного человека».¹¹

Не настаивая на факте непосредственного, буквального влияния на Гончарова Карамзина-художника (вспомним слова романиста о том, что «Карамзин не был художник»), отметим все же и определенную близость их эстетических установок, выраставшую из близости мировоззренческой. Карамзин предвосхитил ведущие мотивы произведений Гончарова. «Сердечный» тип человеческого поведения, воплощенный в «чувствительном» Карамзина, явился как бы ответом писателя на проблемы, поставленные Просвещением, актуальные и для послекарамзинской эпохи. У Гончарова проблема разлада между «умом и сердцем» станет не только проблемой выбора между «чувствительным» и «холодным» (хотя этот пласт несомненно тоже наличествует в произведениях писателя), но и проблемой соотносительности в русской жизни борющихся социальных сущностей старого (патриархального) и нового (буржуазно-цивилизаторского). Карамзинский мотив «чувствительного» и «холодного» социально инструментирован уже в «Обыкновенной истории», а затем — в еще большей степени — в «Обломове».

И Карамзин, и Гончаров исходят из противопоставления двух очевидных крайностей в проявлениях «сердечного» и «головного» типов, видя свою задачу в поисках меры и должного синтеза. Оба они испытали определенное разочарование в рационализме, — и оба все-таки продолжали верить в целительную силу просветительства. Отсюда тяготение к диалектическому разрешению указанной дилеммы. При этом следует иметь в виду еще одно важное обстоятельство: культ «меры» унаследован обоими авторами от эстетики и философии античности, в которой и Карамзин, и Гончаров прекрасно ориентировались и на которую делали постоянные «отсылки» в своем творчестве (общность их пристрастий в этом плане — особый разговор). «Требование меры в < . . . > поведении < . . . > стало одной из основных нормативных установок античной этики. . .»¹² Поиск «меры обусловил в известной степени стремле-

¹¹ Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 93.

¹² Гусейнов А. А., Иррилиц Г. Краткая история этики. М., 1987. С. 27. В «Никомаховой этике» Аристотель так определяет добродетель: «Нравствен-